
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ

ОБЗОР ЖУРНАЛА «JOURNAL OF POLITICAL IDEOLOGIES» («ЖУРНАЛ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЯХ») ЗА 2012–2013 гг.

«Журнал о политических идеологиях» – специализированное издание, освещающее широкий круг проблем, связанных с изучением идеологии. Журнал был основан в 1996 г. одним из ведущих специалистов по данному предмету, профессором Оксфордского университета Майклом Фриденом, который и по сей день остается его главным редактором. Периодичность издания – три номера в год. Создатели журнала видят его миссию в развитии комплексных исследований идеологических структур, формирующих политическое мышление и воображение, и разработке новых методологических подходов к изучению «идеальной» сферы политики. Будучи важным инструментом развития соответствующей области политической науки, журнал одновременно ориентирован на выстраивание междисциплинарных связей. На его страницах систематически публикуются материалы, отражающие современное состояние теории политических идеологий, а также статьи, посвященные отдельным идеологическим направлениям, старым и новым, в разных временных и культурных контекстах. Исследуется роль политических идеологий в социальном конструировании реальности: создании нарративов, лежащих в основе той или иной идентичности, формировании коллективной памяти, легитимации власти. Идеология рассматривается как один из существенных факторов, определяющих политические институты и процессы.

В этом номере «Политической науки» публикуются рефераты недавних статей «Журнала о политических идеологиях», пред-

ставляющих наибольший интерес с точки зрения анализа современной идеологической повестки и ее адекватности проблемам, с которыми мир сталкивается в XXI в.

Соборски Р.

Глобализация и идеология: Критический обзор дискуссии

Реф. статьи: Soborski R. Globalization and ideology: A critical review of the debate // Journal of political ideologies. – Oxford, 2012. – Vol. 17, N 3. – P. 323–346.

Статья преподавателя Ричмондского университета, британского политолога польского происхождения Рафаля Соборски анализирует идеологическую составляющую современных академических дискуссий о глобализации. Изложенные в ней идеи более полно отражены в книге того же автора «Идеология в глобальный век: Преемственность и перемены», которая выходит в издательстве «Палгрейв Макмиллан» в 2013 г.

Автор опирается на классическое определение *идеологии*, предложенное Мартином Селиджером, понимая под этим термином *«набор идей, с помощью которых люди утверждают, объясняют или оправдывают цели и средства организованных социальных действий, в особенности политических, вне зависимости от того, нацелены ли такие действия на сохранение, усовершенствование, искоренение или перестройку существующего социального порядка»* [Seliger, 1976, p. 14].

Волна протестных событий в Сиэтле (1999), Праге (2000), Генуе (2001) и др., направленных против институтов, воплощавших глобальную повестку свободного рынка – ВТО, Всемирного банка, МВФ и др., породила обширную литературу о способах «приручения» глобализации или сопротивления ей. Однако идеологическим аспектам данных проектов до недавнего времени не уделялось внимания. Напротив, многие авторы называли анти- и альтерглобалистские движения «неидеологическими» или «постидеологическими». Как показывает Соборски, логика такого рода оценок схожа с той, которая была положена в основу концепции «конца идеологии»: гибкость, чуткость к контексту и прагматизм «постидеологических» конструкций противопоставляются догматизму и сектантству их «идеологических» аналогов. Однако если

отказаться от узкой трактовки, ориентированной на идеальнотипические модели тоталитарных идеологий, следует признать, что любая политика является идеологической. Кроме того, тезис о «неидеологической» или «постидеологической» природе антиглобализма учитывает лишь сходство негативной части программ образующих его движений (общие враги и одинаковая тактика); различия позитивных программ во внимание не принимаются, что ведет к терминологическим и политическим противоречиям. Например, марксистам и другим интернационалистам едва ли по душе, когда всех противников неолиберальной формы глобализации объявляют «антиглобалистами», ибо они выступают против капитализма или неолиберализма, но не «глобализации» как тенденции преодоления рамок национального. В свою очередь, под рубрикой «глобализация снизу» или «движение за глобальную справедливость» часто объединяется широкий спектр позиций, часть из которых не связана с глобальной повесткой дня. Убеждение в возможности широкого фронта против капиталистической глобализации побуждает некоторых авторов призывать к альянсам между такими фундаментально разными течениями, как правый сепаратизм и анархизм, что вредит общественному имиджу как первого, так и второго.

Вопрос о влиянии глобализации на существующие политические идеологии обсуждается в научной литературе менее активно. Однако, как считает Соборски, эти дискуссии также несут на себе печать избирательного подхода к выявлению идеологической природы политических явлений.

В литературе, рассматривающей идеологию как зависимую переменную, как правило, акцентируется «новизна» современных процессов. Глобализация оказывается одним из факторов, разрушающих привычные типы идеологий – наряду с социальной фрагментацией, которая делает архаичными классовые конфликты, трансформацией политических приоритетов под влиянием СМИ и распадом идейных оснований Модерна, воплощенных в «больших нарративах» социального развития. Авторы, рассуждающие о закате прежних «измов», не рассматривают всерьез возможность того, что основные идеологии могут «составлять мнимое целое, которое берется в качестве отправной точки» [Freeden, 2003, p. 95]. Предполагается, что социальный мир оказался фрагментирован до такой степени, что не поддается идеологическим объяснениям,

доставшимся в наследство от обществ Модерна, которые были более социально и культурно однородными.

По мнению Соборски, хорошей иллюстрацией перелома в современных спорах об идеологии может служить позиция Джона Шварцмантеля. В книге, опубликованной в 1998 г., он уверенно утверждал релевантность традиции Модерна и выросших из нее идеологий для современной политики [Schwarzmantel, 1998]. Однако спустя десять лет, не отказывая основным системам убеждений в праве на существование, он уже делает упор на «мини»-идеологии, которые обращены к конкретным проблемам, связанным с вопросами «качества жизни» и идентичности. По мысли Шварцмантеля, между новыми «мини»-идеологиями и традиционными системами верований имеет место взаимовыгодный обмен: первые обогащают свои программы более общими смыслами, заимствованными из целостных политических представлений утвердившихся течений, вторые приспособляются к новым обстоятельствам, участвуя в решении новых проблем [Schwarzmantel, 2008, p. 168; см. перевод: Шварцмантель, 2009]. Это утверждение поддерживает и Р. Соборски. В ином контексте к тому же выводу пришел и М. Фриден, который на примере «языков либерализма» продемонстрировал, что традиционные идеологии не умирают, но возникают в новом облике, часто незаметно для тех, кто является их носителями, ибо последние не всегда знакомы с традициями, которые продолжают [Freedeen, 2005, p. 139].

Впрочем, большинство авторов, обращающихся к теме судьбы идеологий в контексте глобализации, настроены более скептически. В качестве примера позиции скептиков Соборски рассматривает работы Манфреда Стигера, сконструировавшего альтернативный идеологический атлас, в котором старые идеологические позиции заменяются новыми констелляциями «глобализмов», причем гегемония приписывается глобализму «рыночному» и «имперскому». Концептуальную суть этой новой гегемонии можно выразить шестью утверждениями: (1) глобализация связана с либерализацией и глобальной интеграцией рынков; (2) глобализация неизбежна и неотвратима; (3) в ней некого винить; (4) от глобализации выигрывают все; (5) глобализация способствует продвижению демократии в мире; (6) глобализация требует войны с терроризмом [Steger, 2009, p. 60–95]. По мнению Стигера, глобализм делает большие идеологии ненужными, он абсорбирует их и реорганизует их эле-

менты. Он полагает, что описанные шесть утверждений достаточно связны, чтобы претендовать на роль новой идеологии. Однако Р. Соборски, опираясь на критерии, предложенные Фриденом¹, доказывает, что «гегемонистский нарратив глобализации – это в действительности набор концептуальных связок классического либерализма»; глобализм же как таковой: 1) «не имеет текстуального воплощения»; 2) выделенные Стигером идеи артикулируются как глобалистами, так и теми, кто таковыми не считается; 3) глобализм не предлагает специфической системы представлений о природе человек и общества. Таким образом, глобализм – это всего лишь оболочка для классического либерализма в его консервативном расширении [Soborski, 2012, p. 337–338].

Фарнети Р.

**Водоразделы в глобальной политике:
Левые и правые, Восток и Запад, земля и рай**

Реф. статьи: Farneti R. Cleavage lines in global politics: Left and right, East and West, earth and heaven // Journal of political ideologies. – Oxford, 2012. – Vol. 17, N 2. – P. 127–145.

В статье итальянского политолога Роберто Фарнети принята попытка переосмыслить традиционные способы структурирования политического пространства для понимания *глобальной* политики. По мнению автора, в мире, который становится все более открытым глобальным влияниям и вызовам, политическое поведение людей зависит от восприятия международных проблем. Международная политика задает не только повестку дня, но и привязки для левых и правых полюсов на глобальном уровне. Такие проблемы, как движения сторонников и противников глобализации, ближневосточная политика, международный терроризм, защита окружающей среды и др., порождают полярные реакции в

¹ Согласно определению Фридена, система убеждений может считаться самостоятельной идеологией, если она: 1) *отличима* от других или сама по себе уникальна, 2) *укоренена*, т.е. выражается в наборе черт, который воспроизводится разными авторами во времени и пространстве, 3) *полна*, т.е. дает достаточно широкий спектр ответов на политические вопросы, порождаемые обществом [Freedden, 1998].

глобальной публичной сфере. По мысли Фарнети, их «можно рассматривать в рамках многоцелевых рубрик левого и правого...» [Farneti, 2012, p. 128].

Действительно, в западных странах, особенно в Европе и США, оппозиция *левого* – *правого* все больше опирается на дискурс, в котором новые слова принимают эстафету понятий класса, равенства и социальной справедливости. *Класс* оставался стимулом для политической мобилизации до конца 1970-х годов, когда стал формироваться новый механизм поляризации, связанный с проблемами *идентичности*. По мере того как затухали классовые размежевания, на арену вступал мультикультурализм, наполнявший «пустые сосуды» левого и правого новым содержанием. Политика идентичности, связанная с репрезентацией и признанием расовых, гендерных, этнических и других особенностей, борьбой за образовательные программы, стала питательной почвой для новой поляризации. По мнению Фарнети, именно появление идентичности в качестве новой «грамматики политической ориентации» сделало дихотомию «*Восток – Запад*» важным инструментом демаркации идеологического пространства. В то время как на правом фланге «западные» ценности рассматриваются в качестве фундаментальных принципов, в левом дискурсе они проблематизируются как элемент империалистического «нарратива угнетения».

Автор статьи признает, что в Европе и США «пустые сосуды» левого и правого наполняются разным содержанием. Политика идентичности в США не так решительно эксплуатировала размежевание «Восток – Запад»; и левые и правые там придерживались прозападного (и произраильского) подхода. В европейском же контексте вопрос о том, следует ли увязывать израильский вопрос с признанием вины за Холокост, является значимым фактором поляризации.

В заключительной части статьи Фарнети анализирует еще одну тенденцию, характерную для США, – оформление политического водораздела между сторонниками просвещенческого и светского («земного») подходов к политике и теми, кто стремится обосновывать цели, апеллируя к фундаментальным христианским ценностям и квазимессианству. Первое характерно для левых, второе – для правых.

По мысли автора, события 11 сентября 2001 г. дестабилизировали паттерны, определявшие структуру политических водораз-

делов в развитых западных странах, и способствовали складыванию идеологических союзов правых и «Запада», левых и «Востока»; одновременно они подстегнули оформление размежевания между «земным» и «небесным» подходами к пониманию целей политики.

Зелонка Я.

**Новая цивилизационная миссия Европы:
Дискурс нормативной власти ЕС**

Реф. статьи: Zielonka J. Europe's new civilizing missions: the EU's normative power discourse // Journal of political ideologies. – Oxford, 2013. – Vol. 18, N 1. – P. 35–55.

Предметом дискуссии о нормативной власти Европейского союза являются усилия, предпринимаемые для распространения его ценностей и норм на глобальном уровне (например, в случаях кампании за отмену смертной казни, проблемы изменения климата, идеи устойчивого развития и др.). Соответствующая литература рассматривает ЕС как особую политику, не имеющую исторических прецедентов. Профессор Оксфордского университета Я. Зелонка отступает от этой практики, интерпретируя нормативный дискурс ЕС как инструмент легитимации его имперской политики по отношению к периферии.

Империям свойственно вмешиваться в дела своих периферий, даже если это независимые страны. Характер этого вмешательства зависит от системы управления метрополией, типа границ между метрополией и периферией и разновидности цивилизационной миссии. Артикулируемые империями цивилизационные миссии создают нормативные узы между периферией и метрополией и вместе с тем – помогают империям определять свое видение мира и собственной роли в нем. Они часто имеют этические коннотации, но в то же время должны соответствовать реальности, которая не всегда точно вписывается в заявленные принципы. В конечном счете цивилизационные миссии выполняют свое назначение, если и метрополия, и периферия по моральным, историческим, культурным и утилитарным соображениям находят их заслуживающими доверия и поддержки. Исходя из этих представлений, автор рассматривает, как ЕС артикулирует свою политику и какие последствия это имеет. В качестве объекта анализа он берет два слу-

чая – включение в ЕС стран Центральной и Восточной Европы и «арабскую весну» 2011 г.

Анализируя нормативный дискурс ЕС, Зелонка отмечает, что он определяется рядом факторов, отчасти возникших еще в годы «холодной войны», отчасти явившихся вследствие ее завершения. Первый фактор – это уникальность европейского интеграционного процесса, породившего особый тип международного актора, легитимация которого связана с апелляцией к «гражданской», а не военной мощи. Второй фактор связан с тем, что идеологическое противостояние времен «холодной войны» имело (западно) европейское измерение, что укрепляло представление об «общеевропейских» ценностях (которое в действительности столь же обманчиво, как идея балканских или арабских ценностей). Третий фактор обусловлен тем, что ЕС довольно рано освоил особую форму политики нормативной власти применительно к расширению интеграции. Уже в начале 1960-х годов Европейское экономическое сообщество отклонило заявку франкистской Испании, несмотря на то, что с экономической точки зрения это было выгодное предложение. Хотя все эти факторы сложились еще в годы «холодной войны», именно ее завершение позволило развернуть дискурс нормативной власти в полную силу: Европейское сообщество трансформировалось в Европейский союз, который приобрел политическое измерение и стал конструировать нормативный дискурс о защите прав человека, поддержке демократии и распространении благосостояния в соседних странах.

Первым объектом «приложения» этого дискурса стали страны Восточной Европы. Анализируя опыт взаимодействия ЕС с его восточной периферией, Зелонка выделяет три характерные особенности. 1. Европейская интеграция рассматривалась как выражение универсальных западных ценностей – свободы, демократии и мира, а также как их гарантия. Предполагалось, что европейские институты являются носителями этих ценностей. Некоторые авторы объявляли их *мифом основания*; это позволяло рассматривать Союз не только в качестве модели для подражания, но и в роли агента благих изменений. 2. Нормативный дискурс ЕС представлял собой смесь прагматических и идеалистических соображений: предполагалось, что расширение на восток одновременно обеспечивает продвижение «европейских ценностей» и выгоды с точки зрения безопасности, экономического благополучия, охраны ок-

ружающей среды и т.п. 3. Западные ценности «импортировались» восточноевропейскими странами более или менее добровольно, отчасти потому, что могли в некотором смысле считаться «своими», отчасти потому, что служили условием вступления в «клуб». Все это свидетельствует о том, что расширение ЕС происходило в условиях асимметрии, как материальной, так и идеологической.

Отношения ЕС со странами южной периферии – принципиально иные, поскольку они изначально не могли рассматриваться в качестве кандидатов на присоединение. Поэтому инициативы в отношении этого региона не связывались с нормативными стандартами. «Арабская весна» 2011 г. дала возможности для реформирования отношений.

Хотя ЕС был скорее пассивным наблюдателем, чем участником быстро разворачивавшихся событий, он с самого начала не отказывался от нормативных заявлений. Его особая роль в регионе обосновывалась тремя соображениями: во-первых, ЕС имеет успешный опыт борьбы за свободу, демократию и мир; во-вторых, он гордится своим опытом поддержки стран, совершающих переход от авторитаризма к демократии, сначала в Южной Европе, потом в Центральной и Восточной Европе; в-третьих, он несет ответственность за продвижение собственных фундаментальных ценностей на периферии.

Сравнивая дискурс эпохи «расширения на восток» и высказывания официальных лиц ЕС по поводу «арабской весны», Зелонка выделяет две характерные особенности последних. 1. Как и в случае Центральной и Восточной Европы, ЕС не предпринимает попытки адаптировать свои нормативные требования к особому социокультурному контексту региона. Заявленная цель – продвижение «глубокой демократии», а не искоренение бедности, развитие образования и т.п. Подобный подход имеет не только идеологические, но и бюрократические корни: поскольку ключевые направления требуют согласия всех 27 членов ЕС, они отражают общие идеи, по которым согласие уже достигнуто. Впрочем, идеологический компонент тоже имеет место: официальные лица ЕС убеждены: то, что хорошо для ЕС, хорошо для всех. 2. Как и в первом случае, имеет место материальная и идеологическая асимметричность отношений между ЕС и его периферией. Однако на этот раз расширение союза не стоит в повестке дня, а нормативная конвергенция затрудняется историческими и культурными факто-

рами. «Арабская весна» продемонстрировала универсальный характер таких норм, как свобода, верховенство права и демократия, но одновременно – и то, что они по-разному появляются в исламских и христианских странах. Кроме того, в арабском мире запрос на демократию не был привнесен извне – в отличие от Центральной и Восточной Европы.

Все это побуждает автора статьи к выводу, что европейский нормативный дискурс не соответствует реальности арабского Востока и может вызвать сопротивление. Помимо прочего, он не учитывает европейское колониальное наследие в этом регионе. В 2011 г. антиколониальный дискурс не играл в арабских странах особой роли, поскольку процесс направлялся скорее внутренними, чем внешними факторами. Однако на восприятие высказываний официальных лиц ЕС влияют позиции европейских стран в арабо-израильском конфликте, война в Ираке, двойные стандарты по отношению к гражданским войнам в Ливии и Сирии, жесткое отношение к иммигрантам из арабских стран в Европе и др. Все это, по мнению Зелонки, затрудняет цивилизационную миссию ЕС в арабских странах.

Литература

- Шварцмантель Дж.* Идеология и политика. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. – 312 с.
- Freeden M.* Is nationalism a distinct ideology? // *Political studies*. – L., 1998. – Vol. 46, N 4. – P. 748–765.
- Freeden M.* Ideology: A very short introduction. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – 142 p.
- Freeden M.* Liberal languages: Ideological imaginations and twentieth-century progressive thought. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2005. – 271 p.
- Schwarzmantel J.* The age of ideology: Political ideologies from the American revolution to postmodern times. – Basingstoke: MacMillan press, 1998. – 210 p.
- Schwarzmantel J.* Ideology and politics. – Los Angeles: SAGE, 2008. – 198 p.
- Seliger M.* Ideology and politics. – L.: Allen and Unwin, 1976. – 352 p.
- Steger M.* Globalisms: The great ideological struggle of the twenty-first century. – 3 rd ed. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2009. – 223 p.

О.Ю. Малинова